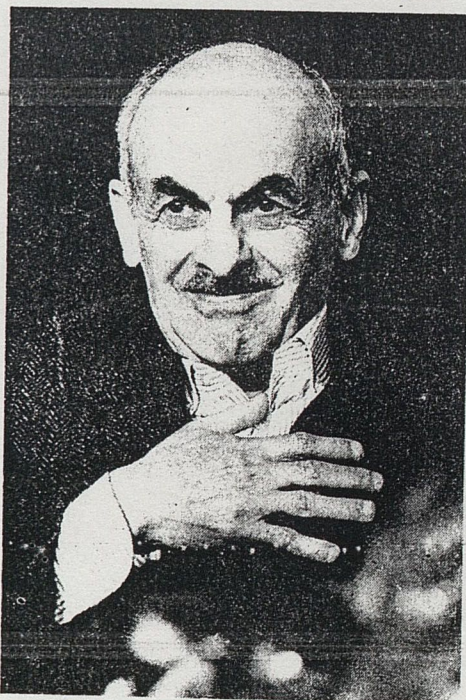

Поэт о поэте *Взгляд* - 1996. - 26 сент. - с. 8.

Сердце Булата

Дозвониться до Булата Окуджавы сейчас практически невозможно: телефон все время занят, и, скорее всего, сам Булат Шалвович к нему подходит редко, а все добрые слова и пожелания поэту, которого 4 сентября выписали из больницы, принимает его семья. У читателей "Вечернего клуба" есть все же одно преимущество: член редакционного совета "Вк" Булат Окуджава этот номер газеты обязательно получит. Поэтому все наши с вами чувства, выраженные на этот раз поэтом Александром Ароновым, мы до Булата Шалвовича донесем, не расплескав ни капли.

Булат Шалвович Окуджава — достояние не только нашей страны. Его песни любят в Польше, в Германии, в Штатах, в Израиле — зачастую больше, чем местные песни. Его стихи знают наизусть те, кто хоть один раз раскрыл его сборник или где-то услышал. Его мелодии Шостакович не велел обрабатывать — в них есть своя неповторимая прелесть.

Дай Боже ему здоровья и долгих лет, и пусть эти скромные заметки будут еще одним признанием в любви поэту, раз и навсегда поразившему и обаявшему наше поколение.

Помню, как меня удивил — нет, пронзил! — порядок слов в его песнях, результат — сначала, действие — потом.

**Надежда, я вернусь тогда,
когда трубач отбой сыграет.
Когда трубу к губам приблизит
и острый локоть ответит...**

За этим была свежесть перевернутого бинюка. Мы стали петь этот "Сентиментальный марш" как свой тайный гимн.

Потом гимнов он написал много. В каждом счастье оттеняла грусть.

**Давайте жить, во всем
друг другу потакая —
тем более что жизнь
короткая такая.**

Меня приводили в восторг лишние слова. Вводные, скажем. "Как много, представьте себе, доброты в молчанье, в молчанье".

**А если ляжет дальний путь
нелегкий путь, представьте,
Дверь не забудьте распахнуть
открытой дверь оставьте.**

Эти вводные — мечта мастера. Не он их выбрал. Они выбрали его — за чувство разговорного, полустертого слова. Которое никак не мешает лирике, а делает ее достоверней документа.

**Иду себе, играю автоматом,
— пели мы взхлеб, —
Как просто быть солдатом, солдатом.
А если что не так — не наше дело.
Как говорится, "родина велела".
Как славно быть ни в чем**

**не виноватым
Совсем простым солдатом, солдатом.**

Это написано в 60-х, задолго до Чечни. А о предыдущей не было ничего лучшего, чем вспоминать "Черного мессера".

**И опять я вылетаю,
Побеждаю, и опять
Вылетаю, побеждаю...
Сколько ж можно побеждать...**

Сосчитаем слова. Их 4. Или 5. Ну пусть 6 на четыре строчки. Но в них замкнутый круг. Нестерпимость поражений — и тщетность победы.

Трудно только начать. Но ничем не ограничить желание вспомнить свою молодость и ее лучшую часть — стихи и песни тех ребят, из которых самый старший по опыту — Булат.

"Эта женщина, увижу и немею", "Море черное", "Грузинская песенка", "Былого нельзя воротить, и печалиться не о чем", "Простите пехоте", "Ах, война, что ты сделала, подлая".

А я любил флейтиста, изящного, как князь. И, как князь, нищего. И играл он заведомо больно. Я (может быть, напрасно) видел в нем юного Булата.

Но только соберусь закончить чем-нибудь этот перечень, меня кто-то толкает под руку: "А ты забыл, как тебя перевернул "Франсуа Вийон"? А "Старый пиджак", "Ночной разговор"? ("Мой конь притомился, стоптались мои башмаки"...).

**Но — пора, мой друг, пора.
В мире есть дом.
Там не гасят огня.
Там друзья меня ждут,
Не больным, не отпетым...
Ах, погоди! Как же им без меня,
Надо ведь думать об этом!**

Пожелаем же ему не бессмертия, им распоряжается история или Бог. Пожелаем Булату Шалвовичу долгих лет творчества, ибо творчество — это и есть его жизнь.

Александр АРОНОВ.

осив-КОКТЕЙЛЬ